

DOI:

КОСТА ХЕТАГУРОВ И ШЕКСПИР:
О РОЛИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА С ЗАРУБЕЖНОЙ
ЛИТЕРАТУРОЙ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ
КОСТА ХЕТАГУРОВА

Р.Н. Абисалова

К.Л. Хетагуров сыграл особую роль в истории осетинской художественной культуры, став первым осетинским профессиональным поэтом, прозаиком, художником, драматургом, публицистом, основоположником осетинского литературного языка. Фундаментом для формирования его творческого метода стали русская литература и осетинский фольклор. Он не только блестяще освоил русскую литературу, но и перенял ее способность впитывать и воспроизводить на национальной почве лучшее, что было создано мировой художественной культурой, в первую очередь литературой. Связи творчества К. Хетагурова с русской литературой уделено немало внимания в литературоведении, однако почти не изучена его роль в создании им диалога с зарубежной литературой. Цель работы – рассмотрение роли межлитературного диалога как важной составляющей интертекстуальности. В качестве объекта исследования выбрано эпистолярное наследие Коста Хетагурова и некоторые трагедии В. Шекспира. Коста использует цитаты, аллюзии, реминисценции, отсылки к трагедиям Шекспира в письмах, адресованных образованной части интеллигенции, знакомой с русской и зарубежной литературой, – близким друзьям, знакомым, родственникам. В статье рассмотрены конкретные примеры включения фрагментов трагедий Шекспира «Гамлет» и «Отелло», их роль в создании межкультурного диалога и способы его создания. Особое внимание уделено смысловой, эмоциональной, мотивной трансформации шекспировских эпистолярных текстов, что позволило приблизить их к современной проблематике и, преодолев камерность и ограниченную жанровую направленность, превратить их в полноценные художественные произведения.

Ключевые слова: К.Л. Хетагуров, В.Шекспир, русская литература, зарубежная литература, межкультурный диалог, интертекстуальность, эпистолярное наследие, трансформация текста.

Для цитирования: Абисалова Р.Н. Коста Хетагуров и Шекспир (о роли межкультурного диалога с зарубежной литературой в эпистолярном наследии Коста Хетагурова) // Известия СОИГСИ. 2024. Вып. 54 (93). С. 123-131. DOI:

Есть славные могилы. В них, во мгле,
Лишь прах певцов хранится благородный.
А слава их идет по всей земле,
А слово их живет в душе народной.

Народ бессмертен. И его поэт –
Кто дух народа в песни переплавил –
Бессмертен также. Он в сердцах оставил
Неизгладимый вековечный след...

С. Крыжановский

Выдающемуся представителю осетинской художественной культуры Коста Хетагурову по праву принадлежит особая роль первооткрывателя. Он стал первым осетин-

ским профессиональным поэтом, прозаиком, драматургом, художником, публицистом. Эта многогранность творческого дарования Коста не может остаться незамеченной теми,

кому открылись все грани его таланта. Именно это качество великого сына осетинского народа позволило А.А. Фадееву назвать его Леонардо да Винчи осетинского народа [1, 3-4]. Не менее справедливо утверждение выдающегося российского ученого В.И. Абаева о том, что «совершенство и зрелость поэзии Коста, при отсутствии до него какой-либо национальной литературной традиции, воспринимаются как явление исключительное. Начало осетинской литературы стало вместе с тем ее недостижимой вершиной. Минувшая ступень примитивов, Коста одним взлетом достиг чистоты, силы и ясности подлинного мастера» [2, 545].

В становлении Коста Хетагурова как выдающегося представителя осетинской литературы огромную роль сыграли не только его природный талант и освоение огромного пласта устного народного творчества, ставшего неотъемлемой частью его творческого метода. Не менее значимым оказалось влияние русской литературы XIX века, знакомство с которой началось у будущего поэта в стенах владикавказской прогимназии. Однако подлинное освоение творчества великих русских поэтов, прозаиков, драматургов произошло во время учебы в ставропольской гимназии, где Коста открылся мир А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.Н. Некрасова, А.С. Грибоедова, А.Н. Островского и многих других. Знание русской и мировой классики, преломление ее достижений в своем творчестве позволили поэту сформировать межкультурный и прежде всего межлитературный диалог с русскими и зарубежными писателями и поэтами. Диалогизм в наследии Коста как важная стилистическая особенность возникает также не без влияния русской литературы. О способности русских писателей вступать в творческий диалог с мировой литературой писали русские компаративисты еще в XIX веке (А.Н. Веселовский и др.). Так, в работе А.Н. Веселовского «Пушкин и европейская поэзия», написанной в защиту А.С. Пушкина от обвинений в чрезмерной зависимости «от чужих образов, воспитывающего влияния иноземной поэзии, сильного возбуждения извне», находим мысль о создании «целой теории борьбы за существование национального поэта». Веселовский высказывает идею

«о всемирном круговороте идей, образов, замыслов, форм», который обязателен для усвоения истинным поэтом, т.к. «для сильного таланта, у которого есть что прибавить к усвоенному извне, это усвоение – прекрасная школа самостоятельности» [3, 524]. Именно освоение и усвоение огромного пласта мировой художественной культуры – от фольклора и античной литературы и Библии до современной ему литературы европейского романтизма – позволили Пушкину и его последователям стать величайшими русскими поэтами, прозаиками, драматургами.

Важность культурного диалога в литературе и не только в литературе и интертекстуальности как инструмента установления этого диалога подтверждена в XX веке в работах западных и российских структуралистов, а также в исследованиях М.М. Бахтина. В работе «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» он заявляет: «Внутренней территории у культурной области нет: систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее... Любое художественное произведение, в том числе и литературное, отражает действительность, уже кем-то оцененную и обработанную в каком-либо другом художественном произведении» [4, 98-99]. Именно эти слова выдающегося ученого подтверждают акт непрерывного диалога культур, который «живет и движется не в пустоте, а в напряженной ценностной атмосфере ответственного взаимоотношения...» [4, 99]. О культурном диалоге как важной составляющей интертекстуальности уже в наши дни пишет известный исследователь зарубежной литературы И.О. Шайтанов в статье «Триада современной компаративистики: глобализация – интертекст – диалог». В ней, определяя корни термина «интертекстуальность», он высказывает мысль о важности понятия «диалог» в современной теории культуры. Этот путь «достаточно известен в связи с понятием диалога, утвержденного в России (и не только для России) работами М. Бахтина». Бесспорной представляется мысль автора статьи о том, что «границы, по крайней мере в пространстве культуры, наделены способностью не только разделять, но и связывать,

предоставляя место для встречи и диалога» [5, 136-137].

Важной особенностью творческого метода выдающегося осетинского поэта, прозаика, драматурга, художника Коста Хетагурова, признанного первым профессионалом и новатором в различных областях художественного творчества, стала способность к диалогу в понимании русских компаративистов и Бахтина. Одна из составляющих его новаторства – опора не только на традиции русской культуры и национального фольклора, что является бесспорным. Будучи первым литературным профессионалом, он не мог не знать и не использовать фольклор в своем творчестве, это справедливо заметил И. Балаев, талантливый, но рано ушедший из жизни литературовед. Он пишет о том, что на долю К. Хетагурова выпала миссия «быть основоположником осетинской литературы и осетинского литературного языка. Эту миссию ...первый осетинский национальный писатель не в состоянии был бы исполнить без постоянной и твердой опоры на осетинское народное творчество» [6, 80]. Важным представляется тот факт, что Коста воспринял специфику великой русской литературы, на которую указывали русские компаративисты, – впитывать и отражать в своем творчестве лучшее, что было выработано мировой художественной культурой, и на этом фундаменте создать свое уникальное наследие. Тема влияния русской литературы и осетинского фольклора стала общим местом в исследованиях творчества К.Л. Хетагурова. Ей посвящены работы Л.П. Семенова, В.Б. Корзуна, И.К. Луппола, А. Малинкина, З.М. Салагаевой, С.Ш. Габараева, З.Н. Суменовой, Н.Г. Джусоева, С.Б. Сабаева, Ш.Ф. Джикаева, Г.И. Кравченко и многих других. Однако зачастую исследователи творческого наследия Коста обходят стороной проблему межлитературного диалога, установленного поэтом с произведениями зарубежной литературы, мирового фольклора и эпосов, что представляется недопустимым пробелом хетагуроведения.

Цель настоящей работы – в некоторой степени восполнить этот пробел, что трудно сделать в рамках одной статьи, так как межкультурный диалог с зарубежной литературой в творчестве К.Л. Хетагурова весьма

обширен. Значительный материал для рассмотрения этой проблемы находим в эпистолярном наследии Коста, поэтому письма осетинского поэта стали объектом исследования обозначенной проблемы.

Коста Хетагурову суждено было стать пионером, первопроходцем на поприще профессионального писательства и изобразительного искусства. Он также стал первым, кто обратился не только к великому наследию русской, но и зарубежной литературы, мировому музыкальному и изобразительному искусству. Это стало возможным только на почве преодоления национально-культурной замкнутости, постижения лучших образцов мировой художественной культуры, стремления к просвещению, постоянного повышения образовательного и культурного уровня и, конечно, прекрасного знания русского языка. Один из лучших знатоков творчества К.Л. Хетагурова И.В. Джанаев в 1939 году отметил, что «Коста обладал большой поэтической культурой. Он прекрасно знал русскую и мировую литературу» и благодаря этому «достиг высот ...поэтического мастерства и создал образцы совершенного поэтического искусства» [7, 114-115]. Через два десятилетия известный литературовед Л.П. Семенов в небольшой работе «Интерес Коста к зарубежной культуре» вспоминает слова И. Джанаева (Нигера) о знании осетинским поэтом мировой литературы и справедливо замечает, что «вопрос о его интересе к мировой литературе так и остался до наших дней открытым. Разумеется, он не утратил своей актуальности и теперь» [8, 161]. К сожалению, в своей работе Леонид Петрович лишь «расширяет и ставит вопрос об отношении Коста к зарубежной или мировой культуре», а о его диалоге с зарубежной литературой и вовсе говорит вскользь. Тема «Коста Хетагуров и зарубежная литература» остается практически неисследованной и в наши дни. Исключением явилась статья В.А. Блажко «Коста и зарубежная литература», написанная в связи со 140-летним юбилеем К.Л. Хетагурова [9, 106–112]. В статье предпринята попытка рассмотрения интертекстуальных включений фрагментов произведений зарубежной литературы в русскоязычном наследии Коста Хетагурова. Статья В.А. Блажко – ценный вклад

в изучение указанной проблемы, однако рамки одной работы не позволяют осуществить полноценное достижение поставленной цели, так как автор предполагает «проследить, какое отражение в художественном творчестве, публицистике и эпистолярном наследии К. Хетагурова нашел его глубокий и постоянный интерес к мировой литературе, чем обусловлено обращение к ее образам и мотивам» [9, 106]. Такая цель представляется важной, но пропедевтической, лишь вводящей в заявленную тему. В связи с этим в настоящей работе предполагается рассмотрение проблемы диалога с зарубежной литературой только на примере эпистолярного корпуса осетинского поэта с тем, чтобы продолжить его в связи со всем остальным творчеством в следующих работах. Письма Коста – неотъемлемая часть художественного наследия поэта, для них характерна жанровая пластичность, типологическое разнообразие, отчаянная полемичность, вызванная неприятием некоторых устоев окружающей среды. В них содержатся доверительность дневников, страстность исповеди, поэтичность лирических признаний, документальная правдивость путевых заметок. Истинным украшением эпистол осетинского поэта стали многочисленные поэтические автоцитаты.

Как уже было сказано выше, интерес и любовь к мировой литературе зародился у Коста в стенах Ставропольской гимназии, где изучалась не только русская классика, но и лучшие образцы зарубежной литературы – от мировых эпосов до произведений Данте, Шекспира, Сервантеса, Гете, Шиллера, Вольтера, Доде, Жюль Верна и многих других. Реминисценциями, аллюзиями, цитатами, отсылками, намеками произведения этих и многих других авторов русской и зарубежной литературы, мирового фольклора, библейские изречения вошли во все творчество К.Л.Хетагурова, но особенно ими насыщены его письма, для которых характерны камерность, интимность, искренность. Наиболее интересны письма к представителям интеллигенции, друзьям, образованным родственникам, близким знакомым, коллегам и т.д. В письме к А.А. Цаликовой, одной из «муз» Коста, поэт вспоминает, как в 5-м классе гимназии посылает знакомой девочке-гимназистке

стихотворение «Вере», подписанное «Осетин Коста». Как выяснилось позже, оно оказалось стихотворением Гете «Лиде». Письмо к А. Цаликовой написано в июне 1899 г., т.е. через 19 лет после обмена письмами с юной гимназисткой Верой. Коста с гордостью отмечает, что его раннее стихотворение написано гекзаметром. Трудно заподозрить Коста в сознательном сокрытии истинного авторства стихотворения «Вере», поскольку он с удивлением замечает: «почему-то наши подписи в кавычках» [10, 43]. Письмо отличается информативной насыщенностью, глубокими размышлениями о тайнах поэтического творчества, о театре и актерской игре, в нем цитируются фрагмент одного из стихотворений Н.А. Некрасова и комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». История этого письма содержит некую интригу – многие исследователи жизни и творчества Коста Хетагурова не раскрыли истинного авторства Гете стихотворения «Вере» (у Гете – «Лиде») – Г. Дзасохов, А. Малинкин, В. Корзун и др. Л.П. Семенов в статье 1959 г. называет А. Гулуева указавшим на этот факт [8, 162]. Однако Ф.Х. Хадонова в примечаниях к письму называет впервые заметившим неточное авторство стихотворения в заметке «К сведению друзей и родственников покойного поэта Коста Хетагурова» журналиста, подписавшегося инициалами И.-м. А. К. Х. в газете «Северокавказский край» от 17 октября 1912 г. Тем не менее, важным представляется тот факт, что Коста в 5-м классе гимназии был знаком с поэзией Гете (в переводе поэта и переводчика XIX века Н. Гербеля) и античным стихотворным размером гексаметром (гекзаметром). Впервые осетинский поэт предпринимает попытку установления межлитературного диалога с великим Гете.

В этом же, насыщенном философскими размышлениями, письме Коста вспоминает слова своего знаменитого стихотворения «Я не пророк»: «Весь мир – мой храм, любовь – моя святыня, Вселенная – отечество мое...» [11, 131] В этих часто повторяемых словах не всегда учитывается важное для понимания творческого и художественного мировоззрения поэта торжество освоения мирового художественного пространства, впервые на Кавказе покорившегося выходцу из крошеч-

ного высокогорного селения, не знавшему материнской ласки, не создавшему семью, обреченному на несправедливое изгнание. Это освоенное художественное пространство вместило множество представителей мировой художественной культуры – художников, композиторов, писателей – гуманистов и просветителей. Особенно близки Коста Хетагурову те европейские авторы, для творчества которых, как и для него самого, характерно жанровое многообразие. Это Данте, Сервантес, Вольтер, Шиллер, Гете, Шекспир. Все они – великие поэты и прославленные драматурги. В письмах Коста не цитирует их стихов, а вспоминает фрагменты их драматических произведений, эмоциями, накалом страстей коррелирующиеся с собственными чувствами и переживаниями. Один из его любимых драматургов – Шекспир, а любимый и близкий по духу герой – Гамлет, которого он неоднократно цитирует в письмах к самым близким людям – А.Я. Поповой, А.А. и Ю.А. Цаликовым, В.Г. Шрёдерс. Гамлет эмоционален до неистовства, страстен в неприязни врагов, нередко жесток, но прежде всего естественен и человечен. Свое горе по поводу смерти отца он не проявляет внешними атрибутами, ему не нужно «того, что кажется»:

И все обличья, виды, знаки скорби
Не выразят меня; в них только то,
Что кажется и может быть игрою;
То, что мне, правдивей, чем игра;
А это все наряд и мишура [12, 17].

Именно такой Гамлет близок Коста, он и сам, осуждая религиозную, национальную, имущественную рознь, называет ее мишурными предрассудками. И ему свойственна искренность, прямота и естественность. Главное, что сближает К. Хетагурова с Гамлетом – приверженность гуманизму. Шекспир вкладывает в уста своего героя гимн человеку: «Что за мастерское создание – человек! Как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, обличьях и движениях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на ангела глубоким постижением! как он похож на некоего бога! Краса вселенной! Венец всего живущего!» Но тут же Гамлет приносит горькие слова, которые противостоят восхищению человеком: «Из людей меня не

радует ни один...» [12, 57-58]. Коста понятно это противоречие – ведь он и сам восторженно заявляет:

Люблю я целый мир, люблю людей, бесспорно,
Люблю беспомощных, обиженных, сирот...»;

или:

...За вас отдам я жизнь... Все помыслы и силы,
Всего себя лишь вам я посвятить готов...

[11, 162]

В то же время в своих произведениях он нередко противостоит людским порокам:

Везде для всех я песнь свою слагаю,
Везде разврат открыто я корю,
И грудью грудь насилия встречаю,
И смело всем о правде говорю... [11, 130]

В своих письмах Коста чаще всего вспоминает начальную строку самого известного монолога Шекспира: «Быть или не быть – таков вопрос...» [12, 70].

Так, в письме к А.Я. Поповой, к которой поэт испытывал искренние и нежные чувства, Коста писал: «Давайте же решим наконец роковой вопрос: быть или не быть? Я предлагаю Вам незапятнанную совесть, честное имя, любящее сердце и трудовую жизнь, и если найду в ответ “Один лишь звук, лишь миг участия”, то “За них я жизнью заплачу”» [10, 21]. Эмоциональное напряжение влюбленного осетинского поэта соответствует фрагменту третьего акта трагедии Шекспира, в котором «внутренняя драма Гамлета достигает высшей точки», где звучит его бессмертное «быть или не быть». Этот фрагмент «стал знаменит и приобрел значение законченного, необычайно яркого по выразительной силе лирического стихотворения» [13, 128-129].

«Гамлет» Шекспира, как и многие другие его трагедии, – произведение о смерти. К. Хетагуров также не чужд этой теме, он обращается к ней во многих произведениях («Да, я уж стар», «За заставой», «На смерть горянки», «Мечты», «Другу», «На кладбище», «Я смерти не боюсь» и др.). Однако во всех его письмах, где звучит гамлетовское «быть или не быть», обнаруживается собственная интерпретация «рокового» вопроса. В данном контексте это не рассуждения о боязни

смерти, а о другом – «быть или не быть любви, брачному союзу, семье», т.е. тому, о чем он мечтал всю жизнь. Свое представление о союзе двух сердец, основанном на «созвучии сердец, сродстве душ... любви... и честной трудовой жизни» поэт декларирует во многих письмах. В них очевидно влияние произведений европейских просветителей, хорошо знакомых и близких ему.

Этот же смысл придает поэт гамлетовскому «быть или не быть» в коротком письме к Анне Цаликовой [10, 29].

Нередко исследователи творчества Шекспира, анализируя характер Гамлета, отмечают его неоднозначность, иногда противоречивость, иногда непоследовательность. Соответственно, многие его монологи, фразы, реплики в силу их вариативности поддаются разнообразной интерпретации. Это касается и самого известного монолога Гамлета: «Быть или не быть? Не случайно эта дилемма выражена абстрактно и даже неопределенно. Мысль не созрела. В смысловой зыбкости отразилось состояние молодого ума, возбужденного намерения, но тут же отравленного сомнением...» [14, 143]. Можно предположить, что Коста интуитивно находит возможность новой смысловой наполненности монолога «Быть или не быть» в письме к А.А. Цаликовой от 28 марта 1899 г., отправленном из Петербурга, где, посещая «высокие» кабинеты, поэт предпринимает очередную попытку изменить место ссылки. После беседы с известным юристом, писателем, прославленным судебным оратором А.Ф. Кони Коста, почувствовав душевный подъем, удаляется из сенатской приемной решительным шагом, который он называет «гамлетовской поступью». Смысл этой фразы становится понятным из следующих слов, в которых он отвечает на шекспировский вопрос: «Быть или не быть?.. Конечно, – быть! Ведь вот эти тысячи суетливо, болезненно, озабоченно снующих людей предпочитают же оптимистическое “быть” пессимистическому “не быть”» [10, 36]. Новая трактовка рокового вопроса в сочетании с «гамлетовской поступью» создает ощущение воодушевления, оптимизма, надежды, рожденных в душе опального поэта.

В одном из писем к Ю.А. Цаликовой К. Хетагуров вспоминает прекрасный монолог шекспировского Гамлета, обнажающий

величие трагического таланта английского драматурга, необычайно тонко понимающего и ценящего высокое актерское мастерство. В этом монологе слышен сам Шекспир, драматург, актер, постановщик своих пьес. Упрекая семейство Цаликовых в недостаточном внимании к себе, в редко получаемых от них письмах, ссыльный поэт Коста Хетагуров, одинокий, страдающий, несколько преувеличивает забывчивость и отстраненность своих лучших и преданных друзей. Он озвучивает свою обиду словами Гамлета, потрясенного игрой актера, которому «в воображенье, в вымышленной страсти» удалось подняться до небывалых высот мастерства перевоплощения: «И все из-за чего? Из-за Гекубы! Что ему Гекуба, что он Гекубе, чтоб о ней рыдать?» (в пьесе речь идет о страданиях жены троянского царя Приама, оплакивающей убитых мужа и детей) [6, 66]. Гамлет страдает от своей медлительности в осуществлении мести королю Клавдию за убийства отца, от недостаточного проникновения в суть гибели самого близкого человека, в то время как актер сумел настолько проникнуться горем ничего для него не значащей античной Гекубы. Сцена важна для подтверждения автобиографичности образа Гамлета по отношению к автору трагедии – на это указывают интерес к театру, готовность написать и поставить пьесу «Мышеловка» для разоблачения убийцы-дяди, знакомство со многими актерами, способность оценки мастерства актеров. Это сближает Коста с героем Шекспира – он с гимназических лет до конца творческой жизни был связан с театром, погружен в его атмосферу не только как зритель, но и как драматург, сценарист, постановщик, художник и актер. Устанавливая диалог с Шекспиром, Коста вспоминает его Гекубу для большей убедительности в описании своего одиночества вдали от родных и друзей. При этом он снижает уровень трагизма упомянутого эпизода, вступая в диалог с Шекспиром, для этого вносит ноту добродушной иронии в упрек по адресу семейства Цаликовых, призывая друзей к более активной переписке: «А говорить с вами хочется всегда, каждый час, каждую минуту» [10, 122].

Особый интерес для понимания чувств и переживаний Коста в связи с его страст-

ным желанием создать семью, основанную на взаимной любви, честном труде, заботе о детях и, что особенно важно, на общности жизненных принципов, вызывает письмо поэта к А.А. Цаликовой от 8 декабря 1898 г. Для подтверждения своих признаний Коста приводит неточную цитату из «Гамлета»: «Да ведь я люблю, люблю сильнее, чем сорок тысяч братьев» [10, 3]. Горькое признание шекспировского героя в любви к Офелии, произнесенное после ее гибели, продолжает магистральную тему «Гамлета» – тему смерти, но в интерпретации Коста она трансформировалась в восторженное любовное признание, свидетельствующее о неумирающей надежды поэта на взаимность.

Бесспорно, «Гамлет» – любимая трагедия К. Хетагурова, к ней он обращается для подтверждения собственных эмоций, мыслей, убеждений, преодолевая временные, национальные, религиозные, классовые различия. Он также знал и любил другие пьесы Шекспира. Так, в записной книжке он пишет в день своего 39-летия: «Я чувствую себя тем же способным в горячие объятья весь необъятный мир, как друга, заключить, простить врагов своих, – в ответ на их проклятья, страдать за них любя, страдая их любить...» [15, 359]. Горькие сомнения по поводу возможности взаимного чувства со стороны любимой девушки поддерживаются и усиливаются не менее горькими словами шекспировского «Отелло» (неточная цитата): «Как знать, – всему причиной то, быть может, что черен я, что сладко говорить, как щеголи-вельмо-

жи, не умею, а может быть, и то, что начал я в долину лет преклонных опускаться, – все может быть. Ну, что ж?! Обманут я, и утешением только презренье должно остаться мне» (пер. П. Вейнберга) [15, 359-360]. Неточное воспроизведение цитаты подтверждает не надуманное, а спонтанно возникшее в сознании поэта соотнесение собственных горьких размышлений об отвергнутой любви с мучительными раздумьями ревнивого венецианского полководца Отелло.

Прекрасное знание мировой художественной культуры, в том числе литературы, ее творческое освоение, любовь к наследию великого англичанина позволило Коста через аллюзии, реминисценции, цитации трагедий Шекспира превратить свои письма в высокохудожественные произведения, ставшие неотъемлемой частью его творчества. Письма Коста демонстрируют роль интертекстуальных включений фрагментов трагедий Шекспира для подтверждения собственных мыслей, суждений, идей, убеждений, что способствует преодолению пространственно-временных преград, повышает интерес к творчеству драматурга. Кроме этого, диалог с драматургом свидетельствует о способности Коста Хетагурова интерпретировать смысловую, тематическую, мотивную, эмоциональную составляющие трагедий Шекспира, что является свидетельством его творческой зрелости и высокого мастерства.

Первое обращение к теме «Коста и зарубежная литература» предполагает дальнейшую ее разработку в следующих работах.

1. Братство народов // Сборник памяти великого осетинского поэта К. Хетагурова / Под ред. А.А. Фадеева. М., 1941. С. 3-4.
2. Абаев В.И. Осетинский народный поэт Коста Хетагуров // Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: Ир, 1990. 638 с.
3. Веселовский А.Н. Этюды и характеристики. М.: Типо-литография А.В. Васильева, 1903. 752 с.
4. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 541 с.
5. Шайтанов И.О. Триада современной компаративистики: глобализация – интертекст – диалог культур // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 136-137.
6. Балаев И.Т. Романтическая поэма Коста Хетагурова «Фатима». Орджоникидзе: Ир, 1970. 72 с.

7. Джанаев И.В. (Нигер). О поэтическом мастерстве Коста // Статьи о жизни и творчестве. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1959. 304 с.
8. Семенов Л.П. Интерес Коста к зарубежной культуре // Избранное. Статьи об осетинской литературе. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1964. С. 161-170.
9. Блажко В.А. Коста и зарубежная литература // Венок бессмертия: Материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Коста Хетагурова. Владикавказ: Проект-пресс, 2000. С. 106-112.
10. Переписка К.Л. Хетагурова. Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2020. 432 с.
11. Коста Хетагуров. Полное собрание сочинений в 5-ти томах. Владикавказ: СОИГСИ, 1999. Т. 2. 402 с.
12. Шекспир В. Полное собрание сочинений в 8-ми томах. М.: Искусство, 1960. Т. 6. 285 с.
13. Дубаишинский И.А. Вильям Шекспир. М.: Просвещение, 1965. 225 с.
14. Урнов М.В., Урнов Д.М. Шекспир. Его герой. Его время. М.: Наука, 1964. 204 с.
15. Коста Хетагуров. Полное собрание сочинений в 5-ти томах. Владикавказ: СОИГСИ, 2001. Т. 5. 719 с.

Abisalova, Raisa N. –V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); raisa-abisalova@yandex.ru

KOSTA KHETAGUROV AND SHAKESPEARE: ON THE ROLE OF INTERCULTURAL DIALOGUE WITH FOREIGN LITERATURE IN KOSTA KHETAGUROV'S EPISTOLARY HERITAGE.

Keywords: *K.L. Khetagurov, V. Shakespeare, Russian literature, foreign literature, intercultural dialogue, intertextuality, epistolary heritage, text transformation.*

K. Khetagurov played a special role in the history of Ossetian artistic culture, becoming the first Ossetian professional poet, prose writer, artist, playwright, publicist, founder of the Ossetian literary language. Russian literature and Ossetian folklore became the foundation for the formation of his creative method. He not only brilliantly mastered Russian literature, but also adopted its ability to absorb and reproduce on national foundation the best of what was created by the world artistic culture, primarily literature. The connection of K. Khetagurov's work with Russian literature has received much attention in literary criticism, but his role in creating a dialogue with foreign literature has hardly been studied. The purpose of the work is to consider the role of interliterary dialogue as an important component of intertextuality. The epistolary heritage of Kosta Khetagurov and some tragedies by W. Shakespeare were chosen as the object of the study. In letters addressed to the educated part of the intelligentsia familiar with Russian and foreign literature – close friends, acquaintances, relatives – Kosta uses quotes, allusions, reminiscences, references to Shakespeare's tragedies. The article examines specific examples of the inclusion of fragments of Shakespeare's tragedies "Hamlet" and "Othello", their role in creating an intercultural dialogue and the methods of its creating. Particular attention is paid to the semantic, emotional, motive transformation of Shakespeare's epistolary texts, which made it possible to bring them closer to modern issues and, having overcome the intimacy and limited genre focus, turn them into full-fledged works of art.

For citation: *Abisalova, R.N. Kosta Khetagurov and Shakespeare: On the role of intercultural dialogue with foreign literature in Kosta Khetagurov's epistolary heritage // Izvestiya SOIGSI. 2024. Iss. 54 (93). Pp.123-131. (in Russian). DOI:*

References

1. Fadeev, A.A. (ed.). *Bratstvo narodov* [Brotherhood of Nations]. *Sbornik pamyati velikogo ossetinskogo poeta K. Khetagurova* [Collection in Memory of the Great Ossetian Poet K. Khetagurov]. Moscow, 1941, pp. 3-4.

2. Abaev, V.I. *Osetinskii narodnyi poet Kosta Khetagurov* [Ossetian National Poet Kosta Khetagurov]. *Izbrannyye trudy. Religiya. Fol'klor. Literatura* [Selected Works. Religion. Folklore. Literature]. Vladikavkaz, Ir, 1990. 638 p.
3. Veselovsky, A.N. *Etyudy i kharakteristiki* [Etudes and Characteristics]. Moscow, Tipo-litografiya A.V. Vasil'eva. 1903. 752 p.
4. Bakhtin, M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary Critical Articles]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1986. 541 p.
5. Shaitanov, I.O. *Triada sovremennoi komparativistiki: globalizatsiya – intertekst – dialog kul'tur* [Triad of Modern Comparative Studies: Globalization – Intertext – Dialogue of Cultures]. *Voprosy literatury* [Issues of Literature]. 2005, no. 6, pp. 136-137.
6. Balaev, I.T. *Romanticheskaya poema Kosta Khetagurova "Fatima"* [Romantic poem by Kosta Khetagurov "Fatima"]. Ordzhonikidze, Ir, 1970. 72 p.
7. Dzhanayev, I.V. (Niger). *O poeticheskom masterstve Kosta* [About Kosta's poetic mastery]. *Stat'i o zhizni i tvorchestve* [Articles about his life and work]. Ordzhonikidze: Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1959. 304 p.
8. Semenov, L.P. *Interes Kosta k zarubezhnoi kul'ture* [Kosta's interest in foreign culture]. *Izbrannoe. Stat'i ob osetinskoj literature* [Selected. Articles about Ossetian literature]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1964, pp. 161-170.
9. Blazhko, V.A. *Kosta i zarubezhnaya literatura* [Kosta and Foreign Literature]. *Venok bessmertiya: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 140-letiyu so dnya rozhdeniya Kosta Khetagurova* [Wreath of Immortality: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 140th Anniversary of the Birth of Kosta Khetagurov]. Vladikavkaz, Proektpress, 2000, pp. 106-112.
10. *Perepiska K.L. Khetagurova* [Correspondence of K.L. Khetagurov]. Vladikavkaz, IPP im. V.A. Gassieva, 2020. 432 p.
11. Khetagurov, Kosta. *Polnoe sobranie sochinenii v 5-ti tomakh* [Complete Works in 5 Vols]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 1999, vol. 2. 402 p.
12. Shekspir, W. *Polnoe sobranie sochinenii v 8-mi tomakh* [Complete Works in 8 Vols]. Moscow, Iskusstvo, 1960, vol. 6. 285 p.
13. Dubashinsky, I.A. *Vil'yam Shekspir* [William Shakespeare]. Moscow, Prosveshchenie, 1965. 225 p.
14. Urnov, M.V., Urnov, D.M. *Shekspir. Ego geroi. Ego vremya* [Shakespeare. His Hero. His Time]. Moscow, Nauka, 1964. 204 p.
15. Khetagurov, Kosta. *Polnoe sobranie sochinenii v 5-ti tomakh* [Complete Works in 5 Vols]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2001, vol. 5. 719 p.